

РЕАЛИИ РУССКОЙ И СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИСТОРИИ XIX В. В КИНОИСКУССТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН СЕРЕДИНЫ XX В.

© 2024

Д. С. Дударев¹

В статье рассматривается изображение деятелями киноискусства европейских стран конца 50-х годов XX в. в х/фильме «Хаджи-Мурат» историко-культурных реалий России и Северного Кавказа середины XIX в. (образов горцев и россиян, деталей их культуры и быта), которое было дано в свете представлений о Кавказе и Востоке, присущих известной концепции ориентализма Э. В. Саида. Детали повседневной обстановки (одежда, жилища, танцы), манера и мотивация поведения, лексикон, событийная канва как северокавказских горцев, в том числе их предводителей (имам Шамиль, наиб Хаджи-Мурат и др.), так и представителей официальной России (царь и его окружение, кавказский наместник, российские военные и др.) в данном кинопроизведении в массе своей не соответствуют исторической действительности. Факты собственной действительности переносились западноевропейцами на изображаемый объект, который реконструируется по своему образу и подобию либо в соответствии с давно существующими клише и стереотипами, корни которых могли возникнуть еще столетия назад, в эпоху крестовых походов. Господствовавшие штампы, на которые так горазд дискурс ориентализма, не позволили кинематографистам Италии и даже Югославии дать более достоверную киноверсию событий из жизни кавказских горцев и их главных героев, переживавших в середине XIX в. сложный процесс интеграции в российские структуры, сопровождавшийся трудным, но неуклонным складыванием «русскости», и реалии той эпохи в целом. Сказалась, думаем, и обстановка «холодной войны», в контексте которой было выгодно в который уже раз изображать Россию, СССР «тюрьмой народов» и «империей зла».

Ключевые слова: интеграция, пророссийская ориентация, концепция «благородного дикаря», ориентализм, русскость

Для цитирования: Дударев Д. С. Реалии русской и северокавказской истории XIX в. в киноискусстве зарубежных стран середины XX в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 186–192. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-186-192

THE REALITIES OF THE RUSSIAN AND NORTH CAUCASIAN HISTORY OF THE NINETEENTH CENTURY IN THE MID-TWENTIETH CENTURY FOREIGN CINEMATOGRAPHY

Dmitriy S. Dudarev

The article examines the portrayal of the historical and cultural realities of the mid-nineteenth century Russia and North Caucasus by European filmmakers in the late 1950s in the film “Hadjı Murat” (images of highlanders

¹ Дударев Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Проекты столицы», Москва; dudarev324@gmail.com

Dmitry S. Dudarev, PhD (Hist.), General Director of Capital Projects LLC, Moscow; dudarev324@gmail.com

and Russians, details of their culture and life), which was given in the light of ideas about the Caucasus and the East, inherent in the well-known concept of Orientalism by E. V. Said. Details of the everyday environment (clothing, housing, dancing), manner and motivation of behavior, vocabulary, event outline, both of the North Caucasian highlanders, including their leaders (Imam Shamil, Naib Hadji-Murat, etc.), and representatives of official Russia (the tsar and his entourage, the Caucasian governor, the Russian military, etc.) in this film work, for the most part, do not correspond to historical reality. The facts of their own reality were transferred by Western Europeans to the depicted object, which was reconstructed in their own image and likeness, or in accordance with long-existing clichés and stereotypes, the roots of which could have arisen centuries ago, back in the era of the Crusades. But the prevailing clichés, so popular in Orientalism discourse, did not allow the filmmakers of Italy and even Yugoslavia to give a more reliable film version of the events from the life of the Caucasian highlanders and their main characters, who experienced a complex process of integration into Russian structures in the middle of the nineteenth century, accompanied by the difficult but steady formation of “Russianness”, and the realities of that era in general. We think the situation of the Cold War has also had its impact, in the context of which it was advantageous once again to portray Russia, the USSR, as a “prison of nations” and an “evil empire”.

Keywords: integration, pro-Russian orientation, concept of “noble savage”, orientalism, Russianness

For citation: Dudarev D. S. The Realities of the Russian and North Caucasian History of the Nineteenth Century in the Mid-Twentieth Century Foreign Cinematography. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 186–192. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-186-192

Актуальность

Тема Кавказа привлекает к себе в наше время нарастающее внимание. Для этого существует целый ряд причин, особенно политические события 1990-х — 2000-х гг.: борьба с вооружённым сепаратизмом в Чечне, грузино-абхазская и грузино-осетинская войны, в которых Россия выступила на стороне народов Абхазии и Южной Осетии в их справедливой борьбе за независимость. В то же время для роста интереса к кавказской тематике существуют давние исторические корни. Длительный процесс интеграции народов Северного Кавказа в состав России, имевший в себе глубокие позитивные основы, но осложнённый военными столкновениями, связанными с трудностями совмещения горского традиционного уклада с российской государственной системой, получил отражение как в трудах авторов XIX и XX — начала XXI вв., так и в сочинениях русской классической литературы (А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. А. Бестужев-Марлинский, Л. Н. Толстой) [Дударев Д., Дударев С., 2017, с. 7–31]. В произведениях отечественных классиков XIX в. отчетливо прозвучала тема, оставившая по себе долгую память, — «кавказские пленники». Она долгое время была созвучна с темой т. н. «горского хищничества» в русской дореволюционной исторической литературе. Обе они так или иначе были тесно связаны с обстановкой военных столкновений и набегов эпохи вооружённого противостояния части горцев с российской военной и административной машиной на нелёгком пути окончательного выбора пророссийской ориентации. Впрочем, само понятие «кавказские пленники» пришло в отечественную историческую и литературную тематику от иностранцев, посетивших Россию или живших в ней, и связано с именами К. де Местра и Ф. Фрейганг. Весьма примечательно и то, что именно во французской и английской публицистике XVIII в. возник образ «благородного дикаря», который был отражением увлечения Востоком и Кавказом, характерным не только для русского общества первой половины XIX в., но и Западной Европы [Ткаченко, 2015, с. 234–249].

Последнее особенно важно для нас применительно к поставленной в заглавии статьи теме. Огромный интерес западной аудитории к Востоку, который в XIX в. стал объектом колониальных

захватов европейцев, вызвал формирование особой системы взглядов на этот регион, а также обычаи, нравы и менталитет его жителей. Очень важно заметить, что основы данных воззрений на Восток и его жителей восходят к античным временам, но особенно проявились в эпоху крестовых походов. В XX в. известный американский ученый палестинского происхождения Э. В. Саид, оценивая европейские стереотипы о Востоке, причем стереотипы, как правило, негативные, выдвинул весьма популярную ныне концепцию «ориентализма» [Саид, 2006]. Не имея возможности сейчас подробно оценивать ее как таковую, мы кратко охарактеризуем ее суть своими словами: ориентализм — это видеть то, чего нет в действительности, и не замечать того, что есть на самом деле. Интерес к проблематике ориентализма стал усиливаться в отечественной историографии с 2000-х годов [Северный Кавказ, с. 307–326]. Некоторые российские ученые усматривают ориенталистские клише не только в произведениях дореволюционной литературы, но и тех или иных современных российских историков, с чем нам трудно согласиться, однако это отдельная тема для разговора.

Цель исследования и его методы

Система ориенталистских взглядов на народы Востока и Кавказа как его части проникла, впрочем, не только в работы историков Запада. Ниже мы увидим, как ориенталистское видение мира Другого оказалось свойственно и для кинематографической среды западноевропейских стран уже в конце 1950-х годов XX в. Нашей целью является анализ реалий кавказской жизни, в том числе образов горцев, в творчестве деятелей европейского кино середины XX в. как репрезентативный пример ориентализма в киноискусстве. Наша работа выполнена на материале ленты производства Италия–Югославия, одной из 4-х существующих киноверсий, снятых в разных странах, и посвященной жизни такой видной фигуры среди сподвижников руководителя горцев имама Шамиля, как наиб Хаджи-Мурат. Автор использует методы анализа источников и литературы, сравнительно-исторический.

Изложение и обсуждение результатов исследования

Этот фильм (в итальянской версии *Agi Murad, il diavolo bianco*, 1959) (Хаджи-Мурат, белый дьявол) вызывает многочисленные вопросы, недоумение и возражения. Причиной являются совсем не явные несоответствия в судьбах киноперсонажей и их реальных исторических прототипов (обычно присущие многим художественным фильмам). Тем не менее укажем все же на некоторые из них. В рассматриваемом кинопроизведении Хаджи-Мурат не женат (хотя, как и в действительности, имеет сына, но более молодого возраста) и собирается сочетаться браком. В жизни же его семья находилась в плену у имама Шамиля. Причина ссоры Хаджи-Мурата и Шамиля совсем не в заступничестве первого за русских пленников (имам сам покровительствовал пленным в политических целях), а, скорее всего, в огромной популярности Хаджи-Мурата и превращении его в самого влиятельного соперника имама. Он сам перешел к русским, а не был захвачен в плен. Побег Хаджи-Мурата из Нухи, где он был, по сути, интернирован, закончился гибелью этого героя, а не свадьбой. Романтическая связь этого знаменитого горца с супругой князя Воронцова — вымысел, предпринятый в маркетинговых целях. Возможным увлечением Е. К. Воронцовой (в фильме у нее другое имя и отчество) на самом деле был «наше все» А. С. Пушкин почти за тридцать лет до событий, показанных в фильме. В 1851 г. эта дама имела уже почтенный для той эпохи возраст.

Начнем с того, что в беседе с высшим генералитетом, а затем и с княгиней Воронцовой Николай II называет в фильме князя Воронцова то «идиотом», то «дураком». Молва в самом

деле гласила о том, что император не расположен к М. С. Воронцову. Тем не менее князь был известен своим успешным управлением в Новороссии и Бессарабии, а также, по признанию самого царя, «пламенным усердием к пользам государства». Он был назначен кавказским наместником с «неограниченным полномочиим», как писал сам же Николай Павлович.

Словно для того, чтобы подтвердить данные кинематографическим царем «аттестации», Воронцов в фильме сообщает жене, что хотел бы посадить Хаджи-Мурата на кол, ломать пальцы, жечь огнем. По его приказанию вожака горцев предают бичеванию. Ничего этого в действительности не было и не могло быть, поскольку никак не соответствовало «цивилизаторской миссии» наместника. Как писал известный исследователь деятельности М. С. Воронцова С. С. Лазарян, наместнику удалось развернуть вектор развития политики России в направлении сближения с народами Кавказа и даже «обаять их прелестями имперского способа существования», более того, вызвать стремление к приобретению имперской идентичности [Лазарян, 2012, с. 307].

Нельзя, однако, не указать и на то, что фильм начинается с набега российского военного отряда на горский аул, который сопровождается убийствами, грабежами и насилием. Такие эпизоды в самом деле были нередки на фоне военных действий в крае. Более того, в части современной кавказоведческой историографии бытует мнение о геноциде российскими властями горских народов, особенно адыгов. Но прислушаемся к мнению некоторых современных компетентных историков. Видный кавказовед В. В. Дегоев, характеризуя длительные военные столкновения, именуемые обычно Кавказской войной, справедливо указывает на то, что те процессы, которые шли во время данного события, были гораздо сложнее и глубже банального военного противостояния. Фактически используя теорию фронта, ученый ярко показывает, что наряду с военными столкновениями зона конфликта была богата самыми разнообразными хозяйственными, торговыми, культурными и личными отношениями, которые превращали регион в некий плавильный котел, и не замечать этого было бы некорректно [Дегоев, 2003, с. 322–323]. А другой историк, З. Б. Кипкеева, верно указывает на то, что перемещения народов в Российской империи, несмотря на всю их трагичность, нельзя рассматривать как злой умысел или геноцид, поскольку власти страны такой задачи никогда не ставили [Кипкеева, 2008, с. 422]. Зарубежные же кинодеятели демонстрируют желание демонизировать фигуру главного руководителя России на Кавказе, изображая его недалеким и жестоким человеком, презираемым даже собственной женой, и стремятся *дискредитировать российскую политику в регионе в целом*.

Но не менее (даже если не более) «не повезло» в фильме «Хаджи-Мурат» и самим жителям гор, которым зарубежные деятели искусства кино вроде бы как сочувствуют. Прежде всего совершенно недостоверен внешний вид горцев, особенно их предводителей, смехотворный по своей сути. Они одеты не в бешметы, черкески и т. д. Костюм горцев составляют халаты на манер центрально-азиатских, на голове вместо папах у них конические шапки, отороченные мехом, малахаи, что больше напоминает убранство татар, башкир, казахов. Шамиль и некоторые другие люди из его окружения больше похожи на киношных восточных звездочётов или такого известного персонажа, как Старик Хоттабыч, но никак не на горцев Дагестана и Чечни. Не лучше выглядит и масовка. Резиденция имама Шамиля (по идее это Дарго-Ведено) имеет никогда не существовавшую в реальности крепостную стену с зубцами и круглыми в плане угловыми башнями, как у рыцарского замка. Впрочем, справедливости ради отметим, что подобные представления об укреплениях горцев имелись и в России в середине XIX в. в слоях, далеких от кавказской действительности (лубок 1855 г. «Битва с горами», отпечатанный в г. Москве). Кстати сказать, и русский форт с вымышленным названием Табарзан выглядит как западная средневековая крепость. Настоящие укрепления Кавказской линии выглядели куда более прозаично.

Внутренний вид горского «аула» также ничего общего не имеет с действительностью, больше напоминая некие труппы или парижский «двор чудес». Аналогичным образом полностью недостоверна и вербальная ткань фильма, касающаяся горской среды. Во время массовых сцен, когда, например, Хаджи-Мурат с победой въезжает в населенный пункт при скоплении народа, то должно было бы звучать не «Слава воинам!» или «Да здравствует Хаджи-Мурат!», а *тахлиль*, т. е. «Ля-илляху-иль-Аллах!» (Нет Бога, кроме Аллаха!), многократно повторяемый и являющийся в имамате боевой мюридской песней [Карпов, 2007, с. 402, прим. 98], или *такбир* — Аллаху-акбар! (Аллах-величайший!). Горцы участвуют в священной войне — *газавате*, и это диктует образ мыслей, действий и фразеологию. Идя в бой, «горцы» подбадривают себя лозунгами типа «Будет весело, мы повеселимся!», словно собирающиеся на вечеринку какие-либо западные «волонтеры», хотя здесь более уместно прозвучали бы упомянутые выше формулы, а также не менее знаковое «Инша-аллах» (На все воля аллаха).

В беседе с будущим «тестем» киношный Хаджи-Мурат восклицает: «Мне нужны солдаты!» Создателям фильма было и невдомек, что понятие «солдат» было совершенно чуждо для горцев. Все, что было связано с миром солдат, солдатчины и связанных с этим стереотипов поведения, оружия (особенно штык) и униформы (мундир) было глубоко враждебно в то время миру сынов гор как проявление несвободы, которая была для них самой тяжелой напастью [Дударев Д., Дударев С., 2017, с. 205]. М. Ю. Лермонтов в поэме «Измаил-Бей» писал: «Мила черкесу тишина / Мила родная сторона / Но вольность, вольность для героя / Милей отчизны и покоя». Горцы употребляли понятие «джигит» (мблodeц — *тюрк.*). Понятие «солдат» связывалось у них с дисциплиной и обезличкой, «джигит» же — это субъект, который подчиняется кому-либо совершенно добровольно, только в силу личного авторитета того лица. Как и средневековый рыцарь, джигит часто не знал никакой дисциплины.

В фильме есть и другие серьезные несоответствия исторической действительности. Отец девушки, которую прочат в невесты Хаджи-Мурату, в одной из сцен восклицает: «Она здоровая, сильная женщина, ничего общего не имеющая с этими неженками из города», что является штампом из века XX, но не XIX в отношении девушек и женщин-горянок (сам этот термин также возник в XX в.), когда городская горянка как социальное явление еще не существовала. Фантастична сцена танцев в резиденции Шамиля, которая не только не соответствует горской музыкальной и танцевальной культуре и самой пластике горцев, но невозможна как таковая в принципе. Музыка, танцы, развлечения были запрещены в имамате под страхом смертной казни: господствовал суровый исламский аскетизм, который канализировал энергию горцев только на борьбу с неприятелем. Вымышлено заявление Воронцовой, что Ахмет-Хан получит «корону» прямо из рук царя. Корону кого? Имама? Но имам — это не сан и не профессия [Ньюби, 2007, с. 120]. Имам — предстоятель на молитве, самое авторитетное лицо в общине, которая его избирает. И в целом горцы не знали монархической традиции и не потерпели бы ее. И в Дагестане, и в Чечне в XVII — конце 30-х годов XIX в. произошел ряд антифеодальных восстаний, в результате которых была уничтожена значительная часть знати [История Дагестана, 2004, с. 362–371, 507–508].

Стремясь представить Хаджи-Мурата «благородным дикарем», что соответствует давно существовавшей европейской традиции, авторы фильма вкладывают эту идентичность в уста главного героя (который говорит в одной из сцен с Воронцовой, что он «дикарь среди белых людей»), что является западным ориенталистским штампом, которого, впрочем, не чурались и некоторые российские авторы (например, тот же А. Л. Зиссерман).

Одновременно внимательный зритель является свидетелем того, что авторы фильма искажают действительность для создания образа «благородного дикаря». Когда люди Хаджи-Мурата останавливают карету с женой наместника, то они грабят ее. Главный герой по-рыцарски

освобождает пленницу и возвращает ей отнятое. Но реальные случаи из жизни говорят об обратном (история с пленом высокородных грузинских княгинь А. И. Чавчавадзе и В. И. Орбелиани). Цель горской стороны в случае с захватом грузинских аристократок, близких к петербургскому двору, их детей, слуг и гувернантки прямо в усадьбе в Цинандали² заключалась в получении огромного выкупа. Для этой цели была применена тактика многомесячных проволок в сочетании с жестким морально-психологическим прессингом, главным «режиссером» которого был сам имам Шамиль [Дударев Д., Дударев С., 2017, с. 314–341]. Иными словами, истинная подоплека этого события была сугубо прагматической, лишенной всякой героики и романтизма.

В сцене в саду находящийся в плену Хаджи-Мурат объясняется с княгиней Воронцовой, которая называет его великим человеком, который пожертвовал собой ради своих убеждений. Это пример чисто европейской мотивировки действий героя, который на самом деле желал лишь освободить свою семью и отомстить своим врагам, прежде всего имаму Шамилю (который несправедливо изображён в фильме слабым и безвольным статистом), руками русских. Месть двигала и многими другими горцами, переходившими на российскую сторону. Киношная княгиня готова связать свою судьбу с горским джигитом и представить его в петербургском свете. Этот романтический вымысел очень далек от действительности XIX в. Светская, тем более знатная женщина никогда бы не поступила так в силу многих причин, среди которых громадная разница в статусе, конфессиональные соображения, коренные социоментальные и культурные отличия. Горцы в то время могли пленить именитую россиянку для выкупа, обмена (см. выше) или продажи в один из восточных гаремов. Об одном из подобных случаев повествовала француженка Адель Оммэр де Гелль, путешествовавшая по югу России и Северному Кавказу со своим супругом в конце 1830-х — начале 1840-х годов (нападение на конвой знатной дамы-польки под Кисловодском, приведшее к жестокой гибели всех сопровождающих и ее похищению) [Соснина, 2003, с. 264].

Не обошлось в фильме и без таких чисто киношных «ляпов», для которых вовсе не обязательно знать историю Кавказа. На балу у наместника Воронцова оркестр играет вальс И. Штрауса-младшего «На прекрасном голубом Дунае». Однако он был написан в 1866 г., заметно позже событий, описываемых в фильме.

Выводы. Подводя итоги, мы должны констатировать, что образы Хаджи-Мурата и его земляков-сподвижников были трактованы западными кинематографистами в духе идей ориентализма. Факты собственной действительности переносились на изображаемый объект, который реконструируется по своему образу и подобию либо в соответствии с давно существующими клише и стереотипами, корни которых могли возникнуть столетия назад, еще в эпоху крестовых походов. Материал же, заимствованный из Толстого и Бестужева-Марлинского (имя невесты Хаджи-Мурата — Салтанет; название чеченского аула Махкет (совр. Махкеты) и некоторое другое) использован неполно и неточно. Не лучше обстоит дело и с образами русских исторических партнёров горцев Кавказа. В середине XX в., даже несмотря на т. н. «железный занавес», существовало немало возможностей для гораздо более достоверной исторической реконструкции реалий изображаемой эпохи и облика ее людей. Но господствовавшие штампы, на которые так горазд дискурс ориентализма, не позволили кинематографистам Италии и даже Югославии дать более достоверную киноверсию событий из жизни кавказских горцев и их главных героев, переживавших в середине XIX в. сложный процесс интеграции в российские структуры, сопровождавшийся трудным, но неуклонным складыванием «российскости», и реалии той эпохи в целом. Сказалась, думаем, и обстановка «холодной войны», в контексте которой было выгодно (в который раз) изображать

² Известный советский писатель В. С. Пикуль ошибочно сообщал о захвате обоза с княгинями и др. по дороге из усадьбы в Тифлис [Пикуль, 1989, с. 296].

Россию, СССР «тюрьмой народов» и «империей зла». Известный адыгский поэт и прозаик Исхак Машбаш в одном из своих стихотворений проникновенно писал: «Как тягостна была и непроста дорога неизбежная к России». В этих замечательных строчках — весь пафос нелегкого пути нашей многонациональной страны, которая и сегодня, несмотря на переживаемые драматические испытания, стремится к лучшему будущему для всех, кто верит в ее историческую миссию.

Литература / References

Великая Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства. *Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение*. 2007. № 45. С. 88–101 [Velikaya N. N. Russianness as a paradigm for studying Russian-Caucasian unity. *Current and debatable problems of the history of the North Caucasus. South Russian Review*. 2007. No. 45. Pp. 88–101 (in Russian)].

Дегоев В. В. *Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе*. 2-е изд. М., 2003 [Degoev V. V. *The Great Game in the Caucasus: history and modernity. Articles, essays, essays*. 2nd ed. Moscow, 2003 (in Russian)].

Дударев Д. С., Дударев С. Л. *Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины — середины XIX века*. Армавир, Ставрополь, 2017 [Dudarev D. S., Dudarev S. L. *The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half — mid-19th century*. Armavir, Stavropol, 2017 (in Russian)].

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004 [History of Dagestan from ancient times to the present day. T. 1. M., 2004 (in Russian)].

Кипкеева З. Б. *Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории*. Ставрополь, 2008 [Kipkeeva Z. B. *Northern Caucasus in the Russian Empire: peoples, migrations, territories*. Stavropol, 2008 (in Russian)].

Лазарян С. С. *Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М. С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг.* Пятигорск, 2012 [Lazaryan S. S. *Military-political and administrative-legal activities of Prince M. S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845–1854*. Pyatigorsk, 2012 (in Russian)].

Ньюби Г. *Краткая энциклопедия ислама*. М., 2007. 384 с. [Newby G. *Concise Encyclopedia of Islam*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Пикуль В. *Этюды о былом*. М., 1989 [Pikul V. *Sketches from the past*. M., 1989 (in Russian)].

Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб., 2006 [Said E. V. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*. St. Petersburg, 2006 (in Russian)].

Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007 [The North Caucasus as part of the Russian Empire. Moscow, 2007 (in Russian)].

Соснина Е. Л. *Два путешествия в золотой век*. Кисловодск, 2003 [Sosnina E. L. *Two journeys into the golden age*. Kislovodsk, 2003 (in Russian)].

Ткаченко Д. С. Становление российского ориентализма в контексте Кавказской войны. *Кавказский сборник*. Т. 9(41) / Под ред В. В. Дегоева. М., 2015. С. 234–249 [Tkachenko D. S. The formation of Russian Orientalism in the context of the Caucasian War. *Caucasian collection*. Vol. 9 (41). Ed. by V. V. Degoev. Moscow, 2015. Pp. 234–249 (in Russian)].